

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

У истоков московских историко-политических идей XV в.

В России идеи об особой исторической миссии государства более всего были в ходу в конце XV—XVII в. Однако корни их уходили в более далекие времена и до сих пор еще недостаточно прослежены.

Известен афоризм В. О. Ключевского, что чувства народа в момент образования национального великорусского государства «выразили тогдашние органы московской публицистики — летопись и юридивый».¹ Конечно, эта формула неполна, и арсенал средств русской публицистики был куда шире. Но столь же несомненно, что именно на страницах летописи в наиболее четком виде кристаллизовались нарождавшиеся и получавшие распространение историко-политические идеи своего времени. Поэтому представляется полезным рассмотреть ход формирования этих идей на материале московского летописания XV в.

Характерной чертой московских сводов было включение в их состав многочисленных исторических сказаний и повестей. В отборе этих повестей, в характере и степени их использования отчетливо проявлялись собственные позиции составителей сводов, их идейно-политическое кредо. И как раз при посредстве этих повестей проникли в летопись новые взгляды о месте Московского княжества в ряду русских земель и об исторической роли великокняжеской столицы — Москвы.

Повесть о нашествии Едигея на Русь, включенная в митрополичий свод 1409 г., рассказывала о том, как Едигей потерпел неудачу у стен Москвы «в день, в онь же празднуют память преставления Петра митрополита, новаго чудотворца рускаго». Автор повести писал: «Мню бо, яко и того молитва еже к господу богу избави люди и град от толикаа нужи и беды, належащаа на них; еже бо в животе своем превозлюби град свой паче всех град». И далее: «Сему граду и людем, сущим в нем, дасть бог сицевого святителя заступати и спасати могоуща от всех злых, находящих на нас».²

Так на глазах у современников, только что переживших нашествие Едигея, создавалась легенда о покровительстве национального святого городу Москве. И недаром «Повесть о Едигее» прочно вошла в тот круг литературных произведений, которые на протяжении XV—XVI вв. переходили из одного летописного свода в другой.³

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2. М., 1937, стр. 120.

² М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 470.

³ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 97; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 239; т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 177; т. VIII, СПб., 1859, стр. 85; т. XI, М., 1965, стр. 209.